

ISSN 2307-4671

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК VI

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2013

ISSN 2307-4671

The Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Altai State University
Faculty of the political science
Department of the religion science and state-confessional relations
Laboratory of the ethnocultural and religion science research

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL
ASIA IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

VI ISSUE

BARNAUL – 2013

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *П.К. Дашковский*

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *Л.Н. Ермоленко*
доктор культурологии *Л.С. Марсадолов*
доктор исторических наук *Т.Д. Скрынникова*
доктор философских наук *О.М. Хомушку*
доктор исторических наук *Л.И. Шерстова*
доктор исторических наук *С.А. Яценко*

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – Вып. VI. – 266 с.: ил.

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху Средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии» (проект №13-21-03001)

© Оформление. Изд-во Алтайского госуниверситета, 2013

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (Doctor of Historical Sciences)

Editorial board:

L.N. Ermolenko (Doctor of Historical Sciences)
L.S. Marsadolov (Doctor of Culturological Sciences)
T.D. Skrynnikova (Doctor of Historical Sciences)
O.M. Homushku (Doctor of Philosophic Sciences)
L.I. Sherstova (Doctor of Historical Sciences)
S.A. Yatchenko (Doctor of Historical Sciences)

М64 The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2013. – VI Issue. – 266 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

I. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Дашковский П.К.</i> Некоторые аспекты междисциплинарных исследований в отечественном религиоведении	9
<i>Ковтун И.В.</i> Пробраз варуны на кинжале из Сеймы	18
<i>Сотникова С.В.</i> О семантике парных погребений андроновской эпохи	36
<i>Нуржанов А.А.</i> Мусульманское денежное отношение Средней Азии и Казахстана в эпоху Средневековья (VII–XVIII вв.)	50
<i>Пилипчук Я.В.</i> Католицизм у кыпчаков	62
<i>Руденко С.А.</i> Могильники Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды как источник по изучению мировоззрения средневекового населения Волго-Камья: вопросы систематизации	72
<i>Тишин В.В.</i> Некоторые заметки о служителях культов у древних тюрков VI–VIII вв.	102

II. САКРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА И ПАЛЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А.</i> Наблюдательная астрономия и системы счисления времени бронзового века Северной Хакасии (к проблеме астрального характера религии жречества окуневской культуры)	120
<i>Сериков Ю.Б.</i> Культы и обряды древнего населения Среднего Урала по материалам пещерных святилищ р. Чусовой	147
<i>Шелепова Е.В.</i> Сакральное пространство в культурах кочевников Саяно-Алтая и Западной Монголии раннескифского времени	166
<i>Шевченко Д.В.</i> Половая символика в христианстве как архаический, культурный феномен (по материалам полевых исследований росписей в христианских храмовых комплексах в Каппадокии. Турция)	179

III. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ И РОССИИ

<i>Бүрэн-Өлзий И., Цэдэв Н., Баяртунгалаг Г.</i> Некоторые результаты исследования по религиозным вопросам, проведенного в Ховдском аймаке.....	192
<i>Жанбосинова А.С.</i> О деятельности контрреволюционных религиозных групп в восточном регионе Казахстана в 30-е гг. XX в.	203
<i>Запорожченко А.В., Славко В.Е.</i> Элементы шаманизма в народных религиозных традициях Южной Европы (на примере словенских и хорватских кресников).....	215
<i>Останин В.В.</i> Вайшнаизм на Алтае (двадцать лет спустя).....	224
<i>Содномпилова М.М.</i> Культ монгол-бурханов в традиции западных бурят	230
<i>Цэдэв Н., Бүрэн-Өлзий И., Баяртунгалаг Г., Пурэвсурэн Ц.</i> Город Ховд как центр пересечения мировых религий.....	238
<i>Шерстова Л.И.</i> Бурханизм и проблема новых идентичностей народов Горного Алтая	243
<i>Эшматова Г.Б.</i> Повышение значимости религиозных объединений в расширении демократизма духовно-нравственной сферы жизнедеятельности	251
Список сокращений	259
Сведения об авторах	261

II. САКРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА И ПАЛЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Е. Ларичев, Е.Г. Гиенко, С.А. Паршиков
*Институт археологии и этнографии СО РАН;
Сибирская государственная геодезическая академия, Новосибирск*

НАБЛЮДАТЕЛЬНАЯ АСТРОНОМИЯ И СИСТЕМЫ СЧИСЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРНОЙ ХАКАСИИ (к проблеме астрального характера религии жречества окуневской культуры)

Вводные замечания. Цепь величественных скал «Сундуки» левобережья Белого Июса и соседние с ними горы, ограждающие по периметру щедро обводненную Июсскую котловину Северной Хакасии, примечательны наличием в этой редкой красоты местности нескольких фундаментальной значимости памятников (храмы с наскальными изображениями, обширные могильные поля, менгиры, визирного назначения лимбы с множеством выстроенных рядами плит, астропункты наблюдения за восходами светил). Среди них особенно впечатляет так называемая «крепость» – оконтуренные валами из плит и глыб песчаника вершины и склоны пейзажно живописных возвышенностей.

Конструктивно своеобразные комплексы, которые были выявлены за три десятилетия изучения двух эталонных, самых выразительных по виду и значительных по размерам «крепостей» предгорий Кузнецкого Алатау (Первого Сундука – левобережье – и Саратовского Сундука – правобережья реки и окрестности поселков Июсский и Кобяково), побудили усомниться в точности оценки назначения подобных сооружений. Подтвердим скептицизм восприятия подобных объектов «защитными убежищами для людей и скота в случае появления угрозы военного нападения» (расхожее мнение представителей традиционной археологии). Для этого предпримем оптимальный в доказательности интерпретационный шаг: сравним комплексы двух близких по топографическим особенностям «крепостей» и подтвердив аналогичность функционального использования своеобразного назначения конструкций из плит и

камней в каждой из них, убедимся в правильности впечатления *каноничности структурного обустройства* загадочного назначения памятников. Сделать это важно еще и потому, что не менее впечатляющие «крепости», иногда с весьма протяженными, сложно петляющими по склонам гор валами, ожидают нетрадиционной направленности изучения в долине Черного Ююса, соседней с долиной Ююса Белого (Двуречье Северной Хакасии – благодатное поле работы для астроархеологов будущего поколения).

Постановка проблемы и программа исследования. Цель первого интерпретационного шага заключается в следующем: доказать, что

а – так называемые «крепости» предназначались для проведения астрономических наблюдений и свершения в пределах сакрализованного (отгороженного от округи валами) пространства календарных, культово-обрядовых и всеобщественно значимых празднеств;

б – «крепости» изначально, по определению, не могли использоваться для защиты от врага вследствие топографических особенностей их местоположений;

в – усматривать в «крепостях» функции святилищ без выявления в них астрономических аспектов означает не что иное, как проявление склонности к разговорам, недостойным академической науки, ибо термин «святилище» вне понятий астрономии и календаристики – пустой звук.

В общем плане намеченная к исполнению программа исследования Сундуков ориентирована на углубленное понимание окуневской культуры, блестящего феномена в семействе культур эпохи бронзы Западной Сибири, на установление достижений творцов ее в естественно-научных областях познания Природы, в той части интеллектуальной и духовной сфер жизни, которые остаются вне внимания традиционной археологии, а именно: в астрономии, способах счисления времени, методах точной фиксации кардинально важных моментов года (солнцестояний, равноденствий и межсезоний), в установках и приемах отслеживания времени не одного – трех лет, а и знаменательных многолетий, позволявших служителям культа предсказывать наступление лунных и солнечных затмений, что поддерживало в среде простолюдинов-кочевников глубокое почитание всеведения жрецов и веру во всеисилие богов Неба, которым те приносили жертвы и умели успешно вымалывать у них всевозможные блага.

Альтернативное, подкрепленное соответствующими фактами понимание «крепостей» позволит продолжить начатое ранее изучение основополагающей культурологической проблемы сибирской археологии – *реконструкции мировоззренческих установок* окуневцев, разъяснения взглядов их на Природу через призму *мифологических представлений* и вскрытие *протонаучной подосновы зурванистского толка религии, порождения наблюдательной астрономии и календаристики*, которые, полагаем, предопределили разработку идей космогонии (происхождения «окружающей действительности») и космологии (взгляда на устройство Мироздания) мыслителей эпохи ранней бронзы одной из южных областей Сибири.

Источники и методические установки поиска. «Крепости» Первого и Саратовского Сундуков примечательны тем, что в пределах занятых ими территорий, огражденных валами, а также в полосе прохождения самих валов размещаются объекты, истинное назначение которых становится понятным лишь после детального, методически осмысленного изучения не только каждого из них в отдельности, но непременно во взаимосвязи с другими структурами, размещенными как в границах пространств «убежищ», так и ближайших к ним окрестностей. Информационный ресурс таких, далеко не всегда понятного назначения сооружений прояснится в большей степени и даже, быть может, в значительной мере увеличится, если в источниковое поле включить особенности топографического расположения объектов культуры относительно горизонта, который определяют контуры скальных вершин и склонов того и другого Сундука, а также соседних с ними гор.

Всё это следует принять во внимание вот с какой, сугубо практической целью: элементарное (пусть даже самого прикидочного толка) представление археолога о зонах восхода или захода Луны и Солнца в местности расположения «крепостей» летом, зимой и в равноденственные дни, а также размещения астрономических (но не по компасу!) точек Юга и Севера (а с ними, соответственно, и прохождения линии истинного (небесного) меридиана, соединяющего эти точки) откроют перспективу критической проверки гипотезы отражения во встроенных в «убежища» объектах так называемого астрономического аспекта. Речь идет о преднамеренности сооружения таковых только для одной цели – осуществления наблюдения светил, ожидания и фиксации начала и окончания экономически и мировоззренчески важных для наблюдателя

моментов годового цикла – первого луча восходящего или последнего луча заходящего Солнца, точно определяющих рубежи начала или завершения *астрономических сезонов*.

В качестве источников, а именно – сооружений, в которых содержится календарно-астрономическая информация, далее анализируются «крепостные» валы; площадки, выстланные плитками песчаника или обломками камней; крупные плиты, уложенные плашмя, установленные вертикально или наклонно; сложные конструкции из глыб и плит песчаника, выделяющиеся на линии горизонта и потому воспринимаемые визирами, которые, возможно, призваны были ориентировать взгляд на определенную точку горизонта; искусственно оформленные отверстия или щели в скале; местоположение наскальных изображений внутри «убежищ» и поблизости от них, а также всего иного, что привлекает взгляд нечто необычным, будь то природный рельеф или искусственное сооружение.

Наличие внутри «крепостей» структур, предназначенных для наблюдения восходов и заходов Луны и Солнца в кардинально важные моменты года и в течение лунно-солнечных многолетий, косвенно свидетельствует о том, что *те, кто соответствующим образом обустроивал астросвятилища, владел совершенными системами отслеживания времени*. Если так, то в собрание источников следовало бы включить документы, подтверждающие это соображение. Но ограниченный объем публикации исключает как детальное описание астрокомплексов, открытых на Первом Сундуке, так и подробное изложение результатов расшифровок календарного характера числовых «записей» на плитах эпохи ранней бронзы и уникальном предмете искусства малых форм, обнаруженном в гробнице. Поэтому то и другое излагается конспективно, но с указанием литературы вопроса. Списки ее позволят любопытствующим заполучить подробности и *сосредоточиться на главном: углубленном восприятии описаний астрообъектов «крепости» Саратский Сундук, аналоговом «близнеце»* другой, расположенной невдалеке «крепости» Первый Сундук.

Первый Сундук. Структуры святилища. Календарно-астрономическое и культово-обрядовое предназначения их. Эта величественная гора с кубовидной скальной вершиной напоминает по очертаниям пирамиду (рис. 1). Ее восточные, южные и северные склоны крутообрывистые, а западные, расчлененные тремя глубокими каньонами, относительно пологие. Устья каньо-

нов, а также разделяющие их скальные гребни пересекает сложенный из плит вал, отгораживающий сакрализованное жрецами пространство святилища со всеми его астрокультурными структурами от пространств «профанных» (должно не обустроенных, «негармонизированных») территорий обыденной жизни простолюдинов-кочевников. Факты свидетельствуют о том, что уже в эпоху окуневской культуры (если не ранее), когда в каньонах сооружались первые протохрамы и комплексы наблюдения за восходами и заходами светил, *Первый Сундук* воспринимался символом «Первозданной Земли» – *Мировой горой*; местом обитания высшего ранга божеств; началом истока «Мировых рек», питающих вселенски безграничный Океан; родовой территорией первых людей, животных и растений (подробности см.: Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А., Прокопьева С.А., 2008).

Рис. 1. Гора Первый Сундук

Одной из основополагающих особенностей Мировой горы считается фантастическая в неправдоподобности *громкость ее размеров*. Она, согласно космогоническим мифам большинства народов Евразии, по высоте достигала сферы «блуждающих звезд» – Луны, Солнца и планет. Они *обращались вокруг скального колосса, то скрываясь за склонами его, то вновь появляясь на небосклоне.*

Конструктивно своеобразные комплексы, предназначенные для наблюдения Неба, были открыты в каньонах, на гребнях и в полосе прохождения валов. Они-то и предоставляют археологу возможность вообразить как жрецы подтверждали истинность своих космологических мифосказаний. Видимо, так: если переходить от одного астрокомплекса к другому, продвигаясь по валу заранее рассчитанным маршрутом, наблюдая то восход, то заход Луны или Солнца в разные сезоны года и в течение особо значимых многолетий, то можно убедиться воочию – *светила действительно вращаются по всему периметру Сундука, земного воплощения Мировой горы*, то скрываясь за нею, то вновь восходя в Небо (подробности см.: Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., 2005; 2009; Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С. и др., 2004а–б; 2005; 2006; Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Прокопьева С.А., 2007; 2009; Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А. и др., 2009).

Астроархеологические объекты Первого Сундука (площадки мест наблюдения Неба; плиты на валу и вне его; менгиры; так называемые опорные плиты, наиважнейшие точки местоположений наблюдателя Неба; визирного назначения конструкции; «окна» (отверстия) в скальных толщах; щели между глыбами песчаника; протохрамы с наскальными рисунками), изученные с участием астрономов и геодезистов на предмет выявления в них *«календарно-астрономического аспекта»*, привели к следующему выводу: в каньонах пирамидальной горы жрецы отслеживали восходы и заходы Солнца в дни летнего и зимнего солнцестояний, в дни весеннего и осеннего равноденствий; восходы и заходы зимней и летней Луны в ближайших к Северу и Югу точках горизонта (т.е. «высокого» и «низкого» статуса ночного светила в фазе полнолуния, завершающего определенной длительности многолетия, важные для предсказаний затмений); фиксировали точное местоположение астрономических Севера и Юга, Востока и Запада и, наконец, самое неожиданное – *ожидали первое утреннее появление в миниатюрном скальном «окне» «Северного Сириуса», звезды Арктур, в канун часа восхода Солнца в день весеннего равноденствия* – первый факт *звездной астрономии*.

Резюмируя изложенное, констатируем: функциональная идентификация Первого Сундука в качестве «крепости» или «загона для табунов скота» неверна. Бездоказательно также мнение о том, что памятник этот – святилище, если в них они не воспринимают объекты астрономического назначения; отрицается умение священнослужителей, духовно-интеллектуальной элиты первобытных сообществ, разрабатывать системы отслеживания времени;

декларируется ненаучность концепции астрального характера религий архаических культур Сибири.

Поскольку в науке о древностях нет оптимальнее пути избавления от заблуждений и утверждения истин помимо демонстрации четко выраженной закономерности проявления культурологических фактов, поясняющих одно и то же явление, то предъявим их. Для того, во исполнение программной цели публикации, обратимся к анализу второй «крепости» Июсской котловины – Саратовского Сундука.

Саратский Сундук – культурно-функциональный двойник Первого Сундука. Даже при поверхностно-туристическом осмотре Саратовского Сундука, расположенного примерно в 10 километрах к северо-востоку от Первого Сундука на противоположном (правом) берегу Белого Июса, поражаешься пейзажному сходству двух гор, творений слепых сил Природы, неистощимой в исполнении ландшафтных причуд. Склоны горы на северо-востоке и севере обрывистые, трудные для восхождения (рис. 2), а на юго-юго-западе – умеренно-крутые (рис. 3). Пешеходы и всадники могли выбрать здесь подходящий маршрут подъема на Сундук, и к выходу на пологие площадки, которые оконтуривают подножие вершины с юго-запада, юга, юго-востока и востока. Эта зона горы удобна для размещения в пределах ее большого количества людей, сооружения разного назначения объектов и для прохода по всему периметру верхней части возвышенности, включая восточную и северо-восточную стороны ее. Склоны горы ниже внешнего края площадок крутые, не вызывающие желания подниматься к подножиям вершины напрямую.

Все эти топографические особенности Сундука невольно подталкивают к мысли об идеальности условий превращения горы в неприступную крепость, и в том может легко убедиться каждый из тех, кто, оказавшись наверху, заметит валы, сложенные из плит, и ворота, открывающие путь внутрь убежища. Между тем наибольшее изумление тех, кто на протяжении нескольких десятилетий вел исследования в Июсской котловине, вызвало иное – открытие на Саратовском Сундуке и в ближайших окрестностях структур, сходных с теми, что в течение многих лет изучались на Первом Сундуке, а значит, требующих нетрадиционных оценок.

Представим сначала каждую из структур в отдельности, а затем во взаимосвязи с другими, чтобы можно было начать раскрытие информационного контекста их, сооруженных человеком или (в отдельных случаях) *природных, подправленных им с некоей целью.*

Рис. 2. Саратовский Сундук. Северо-восточный склон

Рис. 3. Саратовский Сундук – астросвятилище
и астрономическая обсерватория окуневской культуры

I. *Скальная вершина*. Она не кубовидная, как у Первого Сундука, а подпрямоугольная, вытянутая длинной осью в направлении Север – Юг, а короткой – близко к линии Восток – Запад. Около северного конца каменная стена вершины рассечена широким проемом, возможно, искусственного происхождения. Около средней части проема располагаются два положенных один на другой продолговатых песчаниковых блока. Они подразделяют его пополам. При осмотре вершины от подножия горы со стороны юго-запада в сторону северо-востока блоки *смотрятся визиром, намеренно сооруженном в проеме*. Несколько подпрямоугольных плит лежат вблизи северного конца вершины. Неясно, однако, – они занимают первоначально положение или сместились вниз по склону.

Невдалеке от северного конца «каменной шапки» Сундука, около нижнего края одной из массивных плит, составляющих верхнюю кромку вершины, располагается миниатюрное отверстие (рис. 4). Оно примечательно тем, что заметить эту «дыру» снизу, от подножия, невозможно. Более того, она может остаться незамеченной, если взобраться наверх и даже стать на уступ, расположенный непосредственно ниже ее. Здесь отверстие окажется в поле зрения лишь тогда, когда низко присядешь (следствие угла наклона «дыры», ориентированной в Небо, а не на горизонт). Есть, однако, одно особо обозначенное место в крепости, где отверстие наблюдается. Но о том далее, в интерпретационном разделе статьи.

II. *Вал, сложенный из плит и глыб песчаника*. Это масштабное сооружение, которое потребовало при строительстве значительных трудовых затрат и времени, подразделяется на две «ветви» (рис. 3). *Северная* начинается ниже северного конца скальной вершины и следует далее вниз по склону, змеевидно меняя направление на трех участках. «Ветвь» завершается у обрыва, определяющего границы всего подножия вершины горы.

Около начала подножия в валу сделан проем (камни в пределах его отсутствуют). Использование его в качестве ворот, входа в «крепость», представляется логичным. У левого верхнего края проема размещается несколько крупных, завалившихся на бок и частично разломанных плит. Они, судя по всему, некогда стояли вертикально. Выше ворот, в том месте, где вал в очередной раз меняет направление, прежде установлена большая, массивная, серповидных очертаний плита.

Около соединения вала с обрывом, определяющим границу относительно ровного пространства подножия вершины, вблизи внешнего края кладки, размещается сооружение, полностью разрушенное «черными искателями кладов». В том месте находится глубокая яма, густо поросшая непролазным кустарником.

Рис. 4. Отверстие у верхней кромки скальной вершины Сундука, в котором Солнце появлялось в дни равноденствий

Южная ветвь вала. Она начинается вблизи южного конца скального обрыва, на который опирается «шапка» Сундука, и прослеживается далее вниз по прямой в направлении на юго-запад. Она заканчивается у того же обрыва, около которого на противоположной окраине подножия вершины завершается кладка северной ветви вала.

Южный вал примечателен двумя деталями. При осмотре его снизу, в глаза бросается четко выступающий на горизонте зауженный конец наклонно уложенной плиты. Как выяснилось позже, при детальном осмотре этого участка вала, та плита представляет собой часть капитального сооружения. Торчащую плиту подпирают два крупных блока песчаника. Они обеспечивали ей прочную устойчивость, не позволяя сместиться по крутому склону. Это обстоятельство навело на мысль *о визирном предназначении всей конструкции.*

Вторая деталь – наличие у вала проема на участке подножия вершины, который находится напротив проема в северной ветви вала. Это ворота, ведущие внутрь «крепости» и к тому же подножию, *но уже со стороны Юга.* По краям проема видны нагроможд-

дения плит и блоков песчаника. Возможно, некоторые из этих плит прежде стояли вертикально или наклонно, но со временем завалились. Отметим, помимо того, любопытную деталь – примерно в 10 м от проема в сторону юго-востока располагаются едва проступающие на поверхности земли грани песчаникового блока и конец подложенной под него плиты.

Юго-западный конец южной ветви вала составляют плотно уложенные в ряд плиты и глыбы песчаника. Кладка эта завершается у кромки скального обрыва, определяющего юго-западную границу всё той же относительно ровного подножия вершины Сундука. Вдоль скальной кромки, соединяющей южную и северную ветви вала «крепости», нагромождения камней отсутствуют. Была ли в «крепости» третья, юго-западная ветвь, объединяющая воедино «фортификационную» сеть, – решить трудно. Впрочем, несколько плит, лежащих ниже по склону, можно принять за намек на то, что третья ветвь вала была.

Завершая описание двух противоположащих ветвей вала, отметим общую для них особенность: плиты, блоки и обломки песчаниковых глыб *не укладывались (что, кажется, следовало бы делать) упорядоченно*. Напротив – создается впечатление, что наброска камней при сооружении их производилась небрежно. Концы и грани плит, стоящих под разными углами наклона или почти горизонтально, смотрятся подобием противотанковых ежей. Но, как ни парадоксально, именно в хаотичности кладок валов Саратовского Сундука оказался резон, что и предстоит доказать далее.

Объекты наблюдательной астрономии в пределах границ «крепости». Определение их назначения. Ключевую роль при выявлении астрономических аспектов структур «убежища», связанных с северной и южной ветвями вала и скальной вершиной, сыграла выстланная плитами площадка, расположенная невдалеке от юго-западной окраины подножия вершины (т.е. скальной кромки, которая соединяет нижние концы того и другого вала; рис. 3). Если принять эту площадку, сильно нарушенную корнями старой лиственницы, единственного дерева в границах «крепости», за местоположение наблюдателя за восходами Солнца и Луны, то выяснится, что астрономическую значимость обретет целый ряд структур на валу и в пределах скальной вершины. Для проверки этого предположения были выполнены соответствующие астрономические измерения с указанной площадки и расчеты, по результатам которых были определены характерные точки горизонта (см. табл. и рис. 5а), совпадающие со следующими структурами:

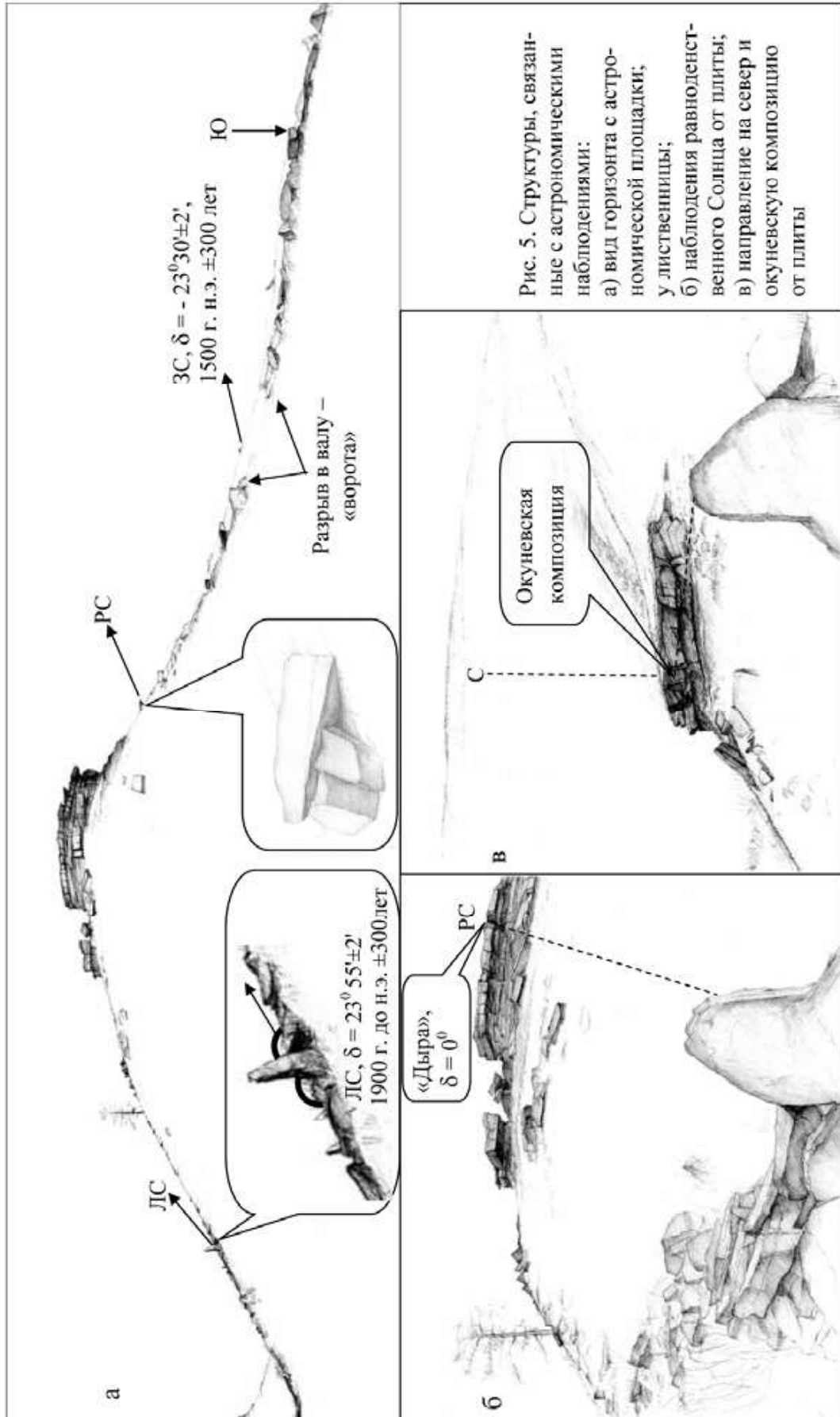

Рис. 5. Структуры, связанные с астрономическими наблюдениями:
 а) вид горизонта с астрономической площадки; у лиственницы;
 б) наблюдения равноденственного Солнца от плиты; в) направление на север и окуневскую композицию от плиты

Результаты вычислений мест восходов светил
при наблюдении от лиственницы

№ пп	Измеренные горизонтальные координаты		Склонение, °	Астр. событие: восход или заход	Элементы комплекса
	Азимут, °	Высота, °			
1	45 47,1	04 41,6	+28 34,7	Высокая зимняя Луна	Внешний край верхней плиты северных ворот
2	59 39,3	08 49,2	+23 54,2 +24 19,3	ЛС. Верхний край диска ЛС. Середина диска	Крупная плита. Смотрится над горизонтом. Левый край
3	59 58,2	09 46,6	+24 32,7	Верхнего края Солнца не видно	Макушка той же плиты
4	60 04,3	09 28,2	+24 13,7	ЛС. Верхний край диска	Правый край плиты
5	79 57,5	17 56,4	+ 20 17,0	30 сут. до ЛС и 30 сут после ЛС	Граница вала
6	84 22,9	19 02,4	+18 37,0	Низкая зимняя Луна	Плита на склоне
7	91 15,9	21 13,1	+16 27,0	Межсезонье ВР-ЛС и ЛС-ОР	«Окно» в останце; по другую сторону – личины, нарисованные охрой
8	112 58,2	17 48,0	+01 58,7	Центр диска	Подпертая плита на склоне, продолжение вала
9	116 44,1	16 14,1	-01 14,6 -00 49,0	Центр диска нижний край	Солнце в равноденствие восходило над плитой
10	129 12,4	10 58,7	-11 46,0	30 сут. до ВР 31 сут. после ОР	Вертикально установленная светлая плита

11	135 25,7	09 11,7	-16 04,0	Межсезонье ЗС-ВР, ОР-ЗС	Груда плит в валу
12	139 06,7	08 03,2	-18 37 00	Низкая летняя Луна	Южные ворота, внешний край верхней плиты
13	146 34,8	06 17,1	-23 27,6	Верхний край	Середина южных ворот, направление на плиту вне вала
14	156 26,5	04 51,1	-27 24,0 -26 30,0	Верхний край Центр диска Луны	Нижний камень южных ворот, внешний край
15	180	–	–	Юг с точностью $\pm 1^0$	Щель между двумя плитами в варе

Сокращения для событий: ВР – весеннее равноденствие, ЛС – летнее солнцестояние, ОР – осеннее равноденствие, ЗС – зимнее солнцестояние.

* – для Луны учитывался суточный параллакс.

** – если брать середину между ЗС и ЛС, то она приходится на 2 дня позже ВР, т.е. склонение должно быть положительное.

1. *Верхний край проема ворот в северной ветви вала, где размещаются несколько крупных плит.* Они разломаны, расположены наклонно, но в прошлом стояли, видимо, вертикально и, возможно, предназначались не только для четкой фиксации контура левого края ворот, но и для задания направления взгляда на некую *высоко календарно-астрономически значимую зону северно-восточной дуги небосвода* – как оказалось, на восход Луны в крайнем ее северном положении (в случае полной Луны, в дни зимнего солнцеворота).

2. *Плита, установленная на северной ветви вала выше ворот.* Указанная плита, пожалуй, самая крупная в валу на западном склоне Саратовского Сундука (рис. 6). В летнее солнцестояние для наблюдателя от лиственницы первый луч Солнца показывался слева нее, затем исчезал, чтобы появиться справа. Далее летнее Солнце полностью восходило, освещая площадку внутри вала.

Рис. 6. Плита, установленная в нижней части северной ветви вала. Слева, за рощей, скальный останец с окуневскими изображениями

3. При сохранении того же условия (нахождения наблюдателя на выстланной плитами площадке) восход Солнца после солнцеворота (т.е. по завершении солнцестояния) отслеживался примерно в течение *29–30 суток в пределах четко ограниченной части вала – от плиты, которая определяла направление восхода Солнца в летнее солнцестояние, до плит окончания его вверху, у северного конца скальной вершины.*

Эталонный характер назначения этого участка вала очевиден: *восход Солнца в пределах его отслеживался на протяжении знаменательного периода времени – синодического месяца (29,5306 сут.).* Поэтому становится понятным – какую цель преследовали строители площадки и вала: они с особым вниманием отслеживали *месяц, предшествующий летнему солнцестоянию (смещение Солнца от верхнего конца вала вниз до вертикальной плиты), и месяц, следующий за летним солнцестоянием и солнцеворотом (смещение Солнца в противоположном направлении, снизу вверх, – от вертикальной плиты к верхнему концу вала и скальному обрыву вершины).* Наблюдателей явно интересовало в те синодические месяцы (≈ 59 суток) время не только солнечное, но и лунное, *т.е. изменение фазы ночного светила при сближении светила дневного с точкой летнего солнцестояния, затем в солнцеворот и далее,*

вплоть до окончания очередного месячного цикла у вершины. Такой интерес к фазам определялся, надо полагать, задачей прогнозирования затмений, близких летнему солнцестоянию, и определения положения полной Луны в зоне, ближайшей к Северу (Луна высокая) и самой дальней от Севера (Луна низкая).

Если в пределах Саратовской «крепости» проходили обучение неофиты астрономии и календаристики, то структуры северной ветви вала могли использоваться жрецами в качестве своеобразного пособия – наглядного разъяснения понятий *солнцестояние, солнцеворот, синодический месяц, высокая полная зимняя Луна* при восходе в ближайшей к Северу точке горизонта. *Зубчатая конфигурация горизонта, которая определялась уложенными под разными углами глыбами песчаника*, позволяла фиксировать те сутки солнечного времени, когда Луна в цикле 29–30 суток обрела вид первой четверти, полнолуния, последней четверти, серпа последней видимости и новолуния, когда она исчезала с небосклона на 2–3 дня, после чего на западном небосклоне, вблизи горизонта после захода Солнца появлялась «молодая Луна», серп первой видимости. Выходит, хаотичность укладки плит вала мнима, и напротив, рациональна, *ибо зубчатость позволяла точно фиксировать восход Солнца в дни, когда Луна на протяжении 29–30 дней меняла фазы.*

4. При наблюдении с выстланной плитами площадки астрономически значимое направление фиксировали плиты, расположенные чуть ниже северного скального обрыва вершины. Они, однако, могли сместиться вниз по склону и потому трудно установить точно – какая из них (или, быть может, плиты верхнего конца вала?) определяла зону восхода *низкой зимней Луны в фазе полнолуния*. Соблазнительна также мысль, что, возможно, в качестве визира использовалась единственная в том месте лежащая плита с изображением антропоморфа. Но и в этом случае нет уверенности, что плита расположена *in situ*. Однако как бы то ни было, а всё же пространство около западного конца вершины весьма четко выделяется на горизонте, а именно там, *в полосе скопления плит и северного обрыва скальной вершины, всходила низкая зимняя Луна в фазе полнолуния* (см. табл.).

Подводя итог анализа астрономически значимых структур северной ветви вала и северного конца вершины при наблюдениях с выстланной плитами площадки, можно констатировать следующее: с этого места отслеживались месяц сближения Солнца с точкой восхода его в дни летнего солнцестояния (вертикальная плита); солнцеворот и месяц отхода дневного светила от точки стояния в

сторону Небесного экватора, где примерно после 92 дней завершался летний астрономический сезон, и начиналась астрономическая осень. То был также горизонт смещения восходов зимней Луны от статуса высокой до статуса низкой, а затем обратно – от статуса низкой к высокой. Эти два прохода Луны длятся 18,61 года, что есть период Малого лунного сароса.

5. При наблюдении с высланной плитами площадки астрономически значимое направление фиксируют *две крупные плиты, лежащие одна на другой в проеме скальной вершины* (рис. 5а). В этом месте *Солнце появлялось в сутки летне-осеннего межсезонья, т.е. во время, одинаково отдаленное от летнего солнцестояния и осеннего равноденствия*. От точки летнего солнцестояния (вертикально установленная плита) точку межсезонья отделяет весьма примечательный лунный период – 45 суток, т.е. $1\frac{1}{2}$ синодического месяца (45 сут.: 29,5306 сут. = 1,5238 \approx $1\frac{1}{2}$ син. мес.), что есть $\frac{1}{8}$ часть лунно-солнечного года, продолжительность которого составляет 360 суток (в Древнем Египте «год Лунного бога Тот»).

Факт фиксации солнечного межсезонья, рубеж которого определяет полуторамесячный лунный и такой же длительности базовая часть лунно-солнечного цикла, *вновь подтверждает идею о том, что в «крепости» Саратовский Сундук с одинаковой внимательностью отслеживалось время солнечное и лунное, причем делалось это целенаправленно, во взаимосвязи*.

Положительный результат отыскания доказательств астрономической значимости северной ветви вала и его структур, а также северной части скальной вершины (края его подножия и проема) предопределил постановку еще двух задач изучения «крепости» – отыскание доказательств астрономической значимости южной ветви вала и его структур, а для финальной части поиска – интерпретация обеих ветвей вала вместе с вершиной горы как целостного объекта, отыскание отражения в нем протонаучного и образно-мифологического «текстов», исполненных в камне.

При наблюдении с высланной плитами площадки южной ветви вала астрономически значимые направления фиксируют следующие структуры:

1) сооружение из двух блоков песчаника и уложенной на них плиты. Угловатый конец последней четко просматривается на горизонте. Комплекс располагается в верхней части вала, около скального обрыва (рис. 7). Согласно астрономическим расчетам, край плиты *служил визиром, ориентирующим взгляд на точку восхода Солнца в день равноденствия*, т.е. в момент, когда дневное светило пересекало Небесный экватор, покидало южную полусфе-

ру Мира, чтобы начать движение в северной (если его восходы смещались вдоль вала снизу вверх), или, напротив, покидало северную полусферу, чтобы начать движение в южной (если его восходы смещались вдоль вала сверху вниз). В первом случае то были сутки начала весеннего сезона, следующего за окончанием астрономической зимы, а во втором – сутки начала осени, следующего за окончанием астрономического лета (см. табл.);

2) ворота или, точнее, проем, рассекающий южную ветвь вала на две неравные по длине части – верхнюю, расположенную на относительно крутом склоне вершины, и нижнюю, которая пересекает подножие вершины от начала ее до кромки скального обрыва. Левый и правый края проема, *расположенного как раз напротив проема южной ветви вала*, фиксируют лежащие горизонтально плиты и хаотичные нагромождения глыб песчаника. Возможно, в древности отдельные плиты стояли вертикально или круто наклонно, а блоки песчаника образовывали упорядоченную кладку, теперь разрушенную. Однако судить о том с уверенностью затруднительно.

Рис. 7. Сооружение из песчаниковых плит и блоков, размещенное в верхней части южной ветви вала, определяет место восхода Солнца в дни равноденствий

И всё же вполне определенные астрономические аспекты того и другого края юго-восточных «ворот» намекают, что такое предположение не следует исключать. Согласно астрономическим расчетам, зона правого края проема призвана была ориентировать взгляд на участок небосвода, где летом всходила полная Луна в крайнем южном положении, а зона левого края ориентировала взгляд на участок небосвода, где в тот же сезон всходила полная Луна в другом крайнем для этих условий положении.

Как видим, функциональное назначение северо-западного и юго-восточного проемов, пересекающих, соответственно, северную и южную ветви вала, оказалось сходным: левый (если входить в «крепость») край первого определял направление на зону небосвода, где всходила высокая полная Луна *зимой*, а левый (если выходить из «крепости») край второго определял направление на зону небосвода, где всходила высокая полная Луна *летом*. «Ворота», выходит, предназначались не только для людей, а и для ночного светила? В этой связи следует заметить, что *зимняя* полная Луна никогда не оказывалась в пределах северного проема, т.е. она в «крепость» войти не могла по определению (все сказанное справедливо для наблюдений с высланной плитой площадки).

Столь неожиданный вывод в особенности наглядно подтверждают юго-восточные «ворота» – рельеф в этой части вершины Саратовского Сундука оказался настолько крутой, что при наблюдениях с высланной плитой площадки полная Луна меняла свои статусы, переходя от высокой к низкой и наоборот в пределах *на удивление узкого пространства, ограниченного всего несколькими метрами проема*. Иначе говоря, восходы ночного светила в фазе полнолуния летом *не выходили за рамки границ «ворот», края которых определяли плиты и глыбы песчаника, места разрыва вала*. Полная Луна смещалась в этих пределах то влево, то вправо и наоборот – подобием маятника в течение Малого лунного сароса – 18,61 года. Выходит, в отличие от западных *ворот восточные «позволяли» летней полной Луне «проникать» в «крепость» на протяжении всех лет Малого лунного сароса*.

Такие колебания ночного светила происходили также относительно *линии, ориентирующей взгляд на точку горизонта, где всходит Солнце в дни зимнего солнцестояния* (примерно середина юго-восточного проема). Значит, юго-восточные «ворота», в отличие от «ворот» северо-западных, *предназначались для входа в них не только летнего, ночного, но и зимнего, дневного, светила*, что и подтверждает третья визирная структура;

3) конструкция из широкой опорной плиты и положенного поверх ее подтреугольного в сечении песчаникового блока. Большая часть сооружения погружена в землю, а на поверхности видны лишь одно ребро блока и массивный конец его. Они тем не менее просматриваются как от проема, так и от выстланной плитами площадки наблюдения.

Явно визирного назначения объект располагается примерно в 10 м от «ворот» и близко к направлению на центр свободного от камней пространства, пересекающего вал. Согласно расчетам, *конструкция ориентировала взгляд на точку горизонта, где восходило Солнце в дни зимнего солнцестояния* (см. табл.).

Совмещение воедино в пределах на удивление ограниченного пространства трех фундаментально важных направлений на юго-восточную часть горизонта дает подходящий повод кратко пояснить – по какой причине ориентировались две крайние относительно Юга позиции полной Луны летом и расположенная между ними точка восхода Солнца в дни зимнего солнцестояния. А всё дело в том, что когда ночное светило отдалялось летом от Юга на самое дальнее (из возможных) расстояние (высокая Луна; визир – левый край «ворот»), а затем приближалась к Югу в наибольшей (из возможных) мере (низкая Луна; визир – правый край «ворот»), то следовало ожидать затмение во время, близкое равноденствиям, а если летняя Луна в полнолуние восходила там, где зимой восходило Солнце в начале последней декады декабря (*т.е. там, куда направляла взгляд конструкция из плиты и блока*), то следовало ожидать затмение во время, близкое солнцестояниям. Ясно, что сходное значение приобретали направления на низкую и высокую Луну зимой и на точку восхода Солнца в дни летнего солнцестояния, которые отслеживались с использованием структур западной ветви вала.

Поскольку невдалеке от указателя зоны восхода низкой летней Луны (правый край ворот) следовало предполагать размещение некоего визира, определяющего направления на точку астрономического Юга, то была сделана попытка отыскать его;

4) щель между двумя подквадратной формы блоками песчаника, установленных рядом и обращающих на себя внимание размерами и массивностью, с наибольшей вероятностью ориентировала взгляд на точку астрономического Юга. Это заключение требует уточнения намеренности южной отметки.

В завершение выявления астрономических аспектов «крепости» возвратимся к оценке значимости единственной сохранившейся вертикальное положение плите, установленной около внутренней кромки северной ветви вала выше «ворот» (рис. 6). Как выясни-

лось, функциональная роль ее не ограничивалась визированием направления на точку восхода Солнца в дни летнего солнцестояния при наблюдениях с выстланной плитам площадки. Эта плита, помимо того, сама по себе определяла исключительной ценности место, с которого производились астрономические наблюдения. Особая методическая важность его, этого места, заключалась, во-первых, в том, что один из наблюдаемых отсюда объектов оказался связанным с наскальными изображениями, что позволило определиться с решением вопроса хронологии памятника – *подтвердить приемлемость установленных астрономами дат, рассчитанных по соответствующей программе.*

Огромный скальный останец, расположенный к северу от плиты на краю ложбины, отделяющий Саратовский Сундук от Кобяковского кряжа (место удобного прохода в сторону «крепости»), (рис. 8). В нижней части обширной плоскости, ориентированной на юго-запад, располагается композиция, которую составляют два антропоморфа и окуневская личина (рис. 9б). Согласно расчетам астрономов, если находиться у плиты, то окуневская композиция ориентирует взгляд на астрономический Север, из чего следует, что выбитые рисунки были преднамеренно размещены близко к линии небесного меридиана, линии, соединяющей Север и Юг.

Рис. 8. Скальный останец с окуневской композицией

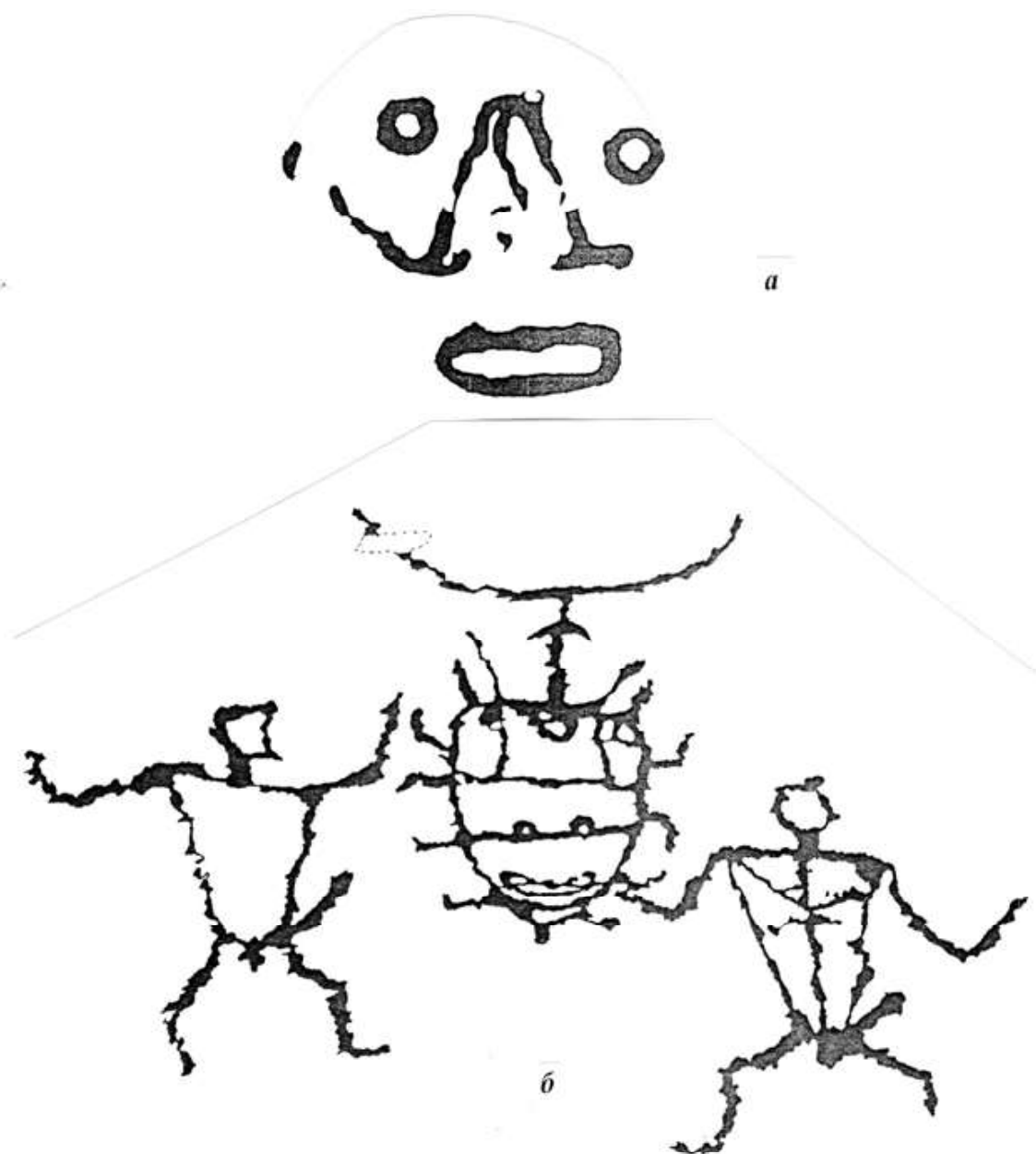

Рис. 9а – окуневская личина на плоскости
северо-восточного обрыва скальной вершины Сундука;
б – окуневская композиция на скальном останце

А теперь обратимся ко второй, «уникальной визирной структуре» Саратовского Сундука, неожиданное открытие которой вызвало восторженное воодушевление всего коллектива экспедиции. При расположении наблюдателя у вертикально установленной плиты и обращении лицом в сторону скальной вершины в поле видимости оказывается малого размера отверстие, расположенное у верхней кромки скалы (рис. 4). Уникальность размещения этой

«дыры в камне» заключается в том, что *она оказывается вне поля зрения при отходе от плиты в любом направлении.*

Согласно измерениям и расчетам, в этом искусственно оформленном «каменном окне», угловые размеры которого составляют примерно $1,5^\circ$ на 1° , Солнце наблюдалось в дни равноденствий. Соответствующие вычисления показали, что склонение суточной параллели, проходящей через середину дыры, составляет $0^\circ 08'$ (!). Это означает появление *факта фундаментальной значимости, окончательно развеивающего «крепостной» мираж* традиционной археологии – *Солнце с угловым диаметром $32'$ не могло не пройти через дыру в равноденствие!* Оно и теперь наблюдается там же в равноденствия, ибо положение нулевой, связанной с экватором и эклиптической точки небосвода, не *подвержено изменению* во все времена прошлого и будущего. Возможно, столь великий календарно-астрономический момент фиксировался не только появлением ослепительного луча у кромки скальной вершины, но и отражением его на поверхности темной плиты в виде светлого пятна, «солнечного зайчика». Ведь недаром же широкая плоскость плиты развернута в сторону скальной вершины.

Все эти обстоятельства, а также *дублирующее* фиксирование равноденствий с использованием *инного визира* – комплекса из трех блоков песчаника *на южном валу при наблюдении с выстланной плитой площадки* – можно расценить как свидетельство особого значения моментов наступления весеннего и осеннего равноденствий в мировоззрении окуневского жречества, устроителя астрономической «крепости».

О том, что столь странное «укрепление» или «убежище» действительно обустроивалось окуневцами, со всей определенностью засвидетельствовал еще один (четвертый) палеоастрономический объект – *выписанная красной охрой личина* (рис. 9а). Ее удалось выявить на плоскости, обращенной в сторону северо-восточного обрыва скальной вершины, вблизи правого края проема (ниже его, по соседству с небольшим гротом). Эта плоскость с рисунком ориентирована в сторону юго-юго-востока (отклонение от астрономического Юга составляет около $6,3^\circ$). Не исключено, что личина определяла *место захода дневного светила в сутки летнего солнцеворота при наблюдении с некоего места северо-восточного подножия вершины.* Такое предположение требует дальнейшей проверки.

Краткие итоги поиска. Валы Саратовского Сундука и его скальная вершина с широким проемом и миниатюрным отверстием, ориентированным на равноденственную точку небосвода (при наблюдениях от вертикальной плиты северной ветви вала), представляет собой *зримое (земное), оформленное камнем подобие эклиптики*, видимого пути Солнца, по которому оно следует в течение года.

В эту грандиозную астрономическую обсерваторию четко встроены структуры отслеживания *двух особо важных лунных месяцев*:

1) предшествующий летнему солнцестоянию. Этот месяц отслеживался в сутки, когда Солнце «скатывалось» по северной ветви вала до визирной плиты, где восходы его наблюдались в одной и той же точке в течение трех суток начала последней декады июня, а затем свершался солнцеворот (начало движения светила в противоположном направлении, а с ним и начало летнего астрономического сезона). Надо полагать, наблюдателям обсерватории важно было знать: в какой фазе Луна в дни летнего солнцестояния;

2) следующий за летним солнцестоянием (за солнцеворотом). Этот месяц отслеживался в то время, когда Солнце «поднималось» по северной ветви вала от визирной плиты к скальной вершине. Резон здесь был следующий: *а* – окончание этого месяца определяло завершение *двухмесячного синодического цикла*, шестикратный повтор которого определял длительность лунного года ($29,5306 \text{ сут.} \times 2 \times 6 = 354 \approx 354,367 \text{ сут.}$); *б* – длительность этих двух (как и последующих пяти пар) принималась (для удобства счета) равной 29 и 30 сут., а они после шестикратного повтора выводили на рубеж окончания лунного года ($29 + 30 \text{ сут.} \times 6 = 354 \approx 354,367 \text{ сут.}$).

Возможно, изложенное было одним из уроков для неопитов, которых обучали астрономии и календаристике жрецы, служители обсерватории и святилища.

Вторая структура лунного счета времени *связана с южной ветвью вала*. Она, эта структура, позволяла отслеживать два сезона, следующих в солнечном году один за другим и составляющих вместе цикл (179 сут.), близкий *лунно-солнечному полугодю* (180 сут.):

1) *осенний астрономический сезон*, самый короткий в солнечном году (89 сут.) и единственный, длительность которого

кратна двум разновидностям лунных циклов – трем месяцам синодическим и трем с четвертью месяцам сидерическим. (89 сут. : 29,5306 сут. = 3,0138 \approx 3 син. месс; 89 сут. : 27,32 сут. = 3,2576 \approx 3¼ сид. мес.). Осенью Солнце «скатывалось» в своих восходах вниз по восточному валу от визирной равноденственной плиты вверх (момент осеннего равноденствия) до середины восточных ворот, где наблюдались три дня восхода светила в зимнее солнцестояние и сутки зимнего солнцеворота;

2) зимний астрономический сезон, всего на одни сутки превосходящий сезон осенний (90 сут.). Зимой Солнце «поднималось» в своих восходах вверх по валу от середины ворот до визирной астрономической плиты.

Оба эти сезона составляли холодную часть года. То было время нахождения Солнца в *нижней* (расположенной ниже Небесного экватора) сфере Мира (в сакральной мифологии – Нижний, Потусторонний мир, местонахождение винобытие душ умерших родичей и предков).

Третья структура (от равноденственной плиты южной ветви вала до северного конца вершины Сундука) позволяла отслеживать *большую часть весеннего астрономического сезона* (исключая месяц, предшествующий летнему солнцестоянию). То было начало второй (теплой) части года – астрономических весны и лета, времени смещения Солнца в *верхней* (расположенной выше Небесного экватора) сфере Мира (в сакральной мифологии – *Верхний мир бытия*).

Поскольку речь зашла о сакральной и астральной мифологии, то в заключение выскажем гипотезу возможности образного восприятия валов святилища и скальной вершины Саратовского Сундука. Если в изгибах валов усмотреть *тело* гигантского Змия (Дракона?), в скальной вершине – *голову* его, а в отверстии – *глаз* чудовища, вспыхивающий солнечным лучом в равноденственные дни, то тогда запечатленное в камне превратится в скульптурный образ существа космического порядка – *свернувшегося кольцом Мирового Змия, подобия модели Мира древнеиндийской мифологии – «Змеи, кусающей себя за хвост»*.

Итак, Саратовский Сундук – многокомпонентный памятник культуры, который выполнял функции *астросвятилища* (центра проведения календарных празднеств почитания Солнца и Луны, высшего ранга богов); *обсерватории*; *учебного центра* наблюде-

ния за светилами, а также *планетария* с Куполом – Небом. Вместе с тем Саратский Сундук, как и первый Сундук, воспринимался, вероятно, *Мировой горой, центром круговых вращений Луны, Солнца и планет.*

Библиографический список

Ларичев В.Е. Миф о Мировой горе в мировоззрении жречества эпохи палеометалла юга Сибири (Первый Сундук – астрономическая обсерватория и святилище времени окуневской культуры Хакасии) // История цивилизации и духовной культуры кочевников: мат. пленарного заседания Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х т. Павлодар, 2004. Т. I. С. 36–39.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н. Равноденственное «окно» астрономической обсерватории окуневской эпохи юга Западной Сибири (астрокомплекс отслеживания восхода Солнца в дни весеннего и осеннего равноденствий) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: сб. науч. тр. Барнаул, 2004. С. 190–197.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н. Арктур – объект наблюдения жречества эпохи палеометалла Сибири (к проблеме истоков звездной астрономии в древних культурах Северной Азии) // Вестник СГГА. Новосибирск, 2005. Вып. 10. С. 8–13.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н. Луна на небесном меридиане (к проблеме отслеживания сезонов многолетних лунно-солнечных циклов, предсказания затмений и представлений о мироздании в культурах палеометалла Северной Хакасии) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. Годовой. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2004. Т. X, ч. I. С. 401–408.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г. Наскальные рисунки тагарской эпохи в контексте структур равноденственного протохрама Первого Сундука (астрономические, временные и мифологические аспекты образов и знаков раннего железного века Северной Хакасии) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2005. Т. XI, ч. I. С. 382–389.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н. Первый Сундук: протохрам захода Солнца в дни летнего солнцестояния (к проблеме выявления календарно-астрономических знаний и сюжетов астральной мифологии жречества окуневской куль-

туры) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. I. С. 406–411.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Прокопьева С.А. Первый Сундук: протохрам наблюдения и почитания летнего Солнца (к проблеме календарно-астрономических знаний и мировоззренческих установок жречества эпохи палеометалла юга Западной Сибири) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками: сб. науч. тр. Барнаул, 2007. С. 109–113.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А., Прокопьева С.А. Первый Сундук – мировая гора, достигающая высоты Солнца (к методике выявления закономерностей размещения в культурно обустроенном пространстве сакрального характера памятников) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2008. Т. XIV. С.184–189.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А., Прокопьева С.А. Гора Первый Сундук в Хакасии в сети суточных параллелей восходящих высокой зимней Луны и летнего Солнца // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. 2009. С. 143–153.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Прокопьева С.А. Лунная обсерватория Первого Сундука: Третий каньон (методы наблюдений восхода и захода высокой зимней Луны и проблема многолетнего исчисления лунно-солнечного времени в эпоху палеометалла Северной Хакасии) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. 2009. С. 146–150.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Прокопьева С.А., Паршиков С.А. Древняя Хакасия: палеоастрономия и палеокалендаристика (зарождение искусства и протонауки на юге Западной Сибири в исторической ретроспективе; внеписьменные источники истории астрономии и методы «прочтения» их) // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние и перспективы. мат. междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию ХакНИИЯЛИ. Абакан, 2009. С. 25–31.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Прокопьева С.А., Паршиков С.А., Серкин Г.Ф. Сундуки – великий сакральный центр Северной Хакасии (мифологическое, эпосное и естественно-научное в культовых памятниках древних культур юга Сибири, совмещенных с творениями природы) // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии: сб. науч. ст. Красноярск, 2009. С. 73–91.